

Говорят, есть книги как вселенные. Своё устройство, своё население, свои характеры. И это не обязательно некие фантастические миры. Бывают и такие, где всё «как в жизни», как «у нас с вами». Сочинён ли подобный мир? Списан ли с натуры? Кем друг другу приходится автор и его герои? На темы, что принято относить к «писательской кухне», мы беседовали с Диной Рубиной.

— Вы много и быстро пишете, Дина Ильинична. Куда быстрее, чем я, к примеру, читаю. В чём причина, в чём завод такой мощной «писательной» пружины?

— Дорогая, не пугайте меня: сколько же вы читаете? Например, трилогию «Русская канарейка» я писала пять лет. Вы хотите сказать, что не в состоянии осилить за пять лет три книжки? Если серьёзно: я пишу очень медленно. Примерно один-два абзаца в день. Иногда пишу даже три, но к вечеру вычёркиваю. Постепенно образуется страница. Если за год накопится сталагмит объёмом страниц в 200... вот вам уже и книга. Не могу сказать, чтобы эти темпы выглядели какой-то заводской турбиной. Но то, что я работаю всегда, без выходных и больничных, до мерцания мушек в глазах, — это правда.

— Мне кажется, всё, что вас окружает, рано или поздно появляется на страницах ваших книг. Как реагируете на это прототипы?

— Боже милосердный, вам надо быть государственным прокурором. Обычно то, что меня окружает, никогда не появляется на страницах моих книг. Это иллюзия. Вы всерьёз думаете, что мои герои — Захар Кордовин из «Белой голубки Кордовы», или Пётр Уксусов из «Синдрома Петрушки», или Анна Нестеренко из «Почерка Леонардо», или Леон Этингер... — это люди, которые меня окружают? Это всё вымышленные персонажи. Книги я сочиняю, у меня профессия такая: сочинитель. И даже когда для своих творческих нужд я изымаю две-три чёр-

точки из реальности или из реальной личности, то эти чёрточки или эти характеры преобразуются настолько, так заостряются, такому подвергаются давлению гротеска или трагедийности, что говорить тут о прототипе просто некорректно. Прототипы вообще страшно уступают литературным героям. Ведь литературный герой — это квинтэссенция тех черт, которые необходимы автору для осуществления его замысла.

— Нет, я решительно не думаю, что ваши персонажи — это люди, которые вас окружают, и что ваши книги — это «фотографии» с натуры. Но я полагаю, что, прежде чем писать что-либо (или, возможно, по ходу продвижения романа), вы вполне серьёзно знакомитесь с объектом писания, допустим с бытом цирковых. И какие-то черты реальных людей этого круга входят в книгу как черты героев. Именно этих людей я слишком широко обозначила прототипами. Как реагируют они? Узнают какие-то свои черты в ваших произведениях?

— Не совсем так. Я, конечно, самым зверским образом пропахиваю материал нового для меня дела, новой профессии, новой сферы интересов. Для этого сейчас, слава богу, существует множество возможностей: интернет, специальная литература и — да, конечно, живые люди со своим бесценным опытом. Но этот самый опыт должен органически войти в уже замысленный сюжет; то есть биография или опыт реальных людей неизменно перерабатывается, опять же самым зверским образом. Обычно я предупреждаю об этом «фигурантов». Обычно они понимают, о чём речь. Но иногда бывают и осечки. Люди ведь разные. Человек сталкивается в книге с неким своим опытом... при совсем других героях, в другом месте и при иных обстоятельствах.

— По какому принципу вы «отбираете» для книг действительность и людей? (Если я верно вижу, некоторые люди разошлись по нескольким романам, нескольким персонажам.)

— Понятия не имею, каких людей вы имеете в виду. Повторяю, действительность, как правило, настолько мельче и бледнее литературы, и автору приходится так много потрудиться, чтобы из какого-то случая или человека сделать сюжет или характер, что это всё равно что рассуждать об «Анне Карениной», держа в уме тот факт, что Толстой задумал роман, увидев где-то на балу дочь Пушкина, у которой зади на шее точно так же курчавились волоски. Ну, увидел, ну, курчавились... Вы себе представляете, какой путь должен был проделать писатель, чтобы создать всемирно известную Анну Каренину, которая в тысячу раз живее и значимей реальной дочери Пушкина, о которой сейчас вообще никто ничего не знает.